

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются некоторые коллизии, возникающие при непосредственном судебном применении конституционных норм. Анализируются правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по обозначенной проблематике, отмечается, что Конституционный Суд России играет ключевую роль в системе обеспечения прямого действия Конституции.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. в ч. 1 ст. 15 закреплено, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции России.

В современной науке конституционного права проблемы прямого действия находят свое отражение, но пока нет общепринятого понимания содержания этого юридического свойства Основного Закона государства. Касаясь данного вопроса, А.Б. Венгеров отмечает: прямое действие Конституции означает, что впервые у суда, органов исполнительной власти появилась возможность на законной основе применять конституционные нормы для решения конкретных споров, использовать эти нормы для издания обоснованных управленческих актов, рассмотрения жалоб и заявлений граждан; оно также означает по большому историческому счету формирование фундамента правового государства, полномасштабной реализации прав и свобод граждан [1. С. 48–55]. Трудно поспорить с этой идеей, ведь именно Конституция России 1993 г. способствовала становлению государства, где права и свободы человека являются непосредственно действующими.

Г.А. Гаджиев и В.И. Анишина, упоминая о прямом применении норм Конституции, полагают, что оно не всегда возможно либо вообще невозможно при отсутствии закона. Например, ст. 25 Конституции провозглашает: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Данная норма по своей юридической конструкции бланкетная, отсылает правоприменителя к иному нормативному акту. Для определения правомерности нарушения кем-либо неприкосновенности жилища необходимо обратиться к соответствующему федеральному закону [2. С. 103].

По мнению И.А. Кравца, прямое действие конституции – это специфический конституционный императив, нацеленный на наиболее полную реализацию ее норм, это индикатор претворения в повседневные общественные отношения принципов и правил, закрепленных на самом высоком юридическом уровне [3. С. 359–368].

Резюмируя, отметим, что прямое действие Конституции означает: 1) нормы Конституции РФ в равной мере (без каких-либо исключений) действуют на всей территории РФ, в каждом из ее субъектов; 2) конституционные нормы подлежат реализации независимо от наличия или отсутствия конкретизирующих и развивающих ее нормативных актов [4. С. 366–367], что не

умалает при этом их непосредственного действия. Нам представляется, что прямое действие Конституции Российской Федерации – одно из важнейших юридических свойств, имеющих не только общетеоретическое значение для науки конституционного права, но и для практики, которая сталкивается с рядом трудностей. На некоторых коллизиях мы остановимся далее подробнее.

Еще до принятия Основного Закона 1993 г. в научной литературе отмечалось существование проблемы непосредственного судебного применения конституционных норм. А.Б. Венгеров говорит о трех формах такого применения: обособленном от других норм, самостоятельном применении судебными органами норм Конституции; применении норм Конституции наряду с иными нормами права; использовании конституционных норм для мотивировки судебных актов и для толкования иных правовых норм [5. С. 38–42].

В современных условиях подчеркивается, что действующая Конституция Российской Федерации – не торжественная декларация, а полноценный нормативный правовой акт, статьями которого судам надлежит руководствоваться в необходимых случаях при рассмотрении конкретных дел. Исходя из этого соблюдение Конституции и обеспечение ее прямого действия являются одной из главных задач судов. В связи с этим Постановлением Пленума Верховного Суда были даны разъяснения, основанные на приоритете конституционных норм; Верховный Суд ориентировал суды на применение Конституции Российской Федерации как акта прямого действия при рассмотрении гражданских и уголовных дел [6. С. 3].

Проанализируем обозначенное выше Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», где закреплено:

«Суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности: а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, противоречит ей; в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции; г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъ-

ектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции Российской Федерации, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует.

В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, исходя из положений ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о конституционности этого закона. Такой запрос в соответствии со ст. 101 Федерального конституционного закона «Конституционном Суде Российской Федерации» может быть сделан судом первой, кассационной или надзорной инстанции в любой стадии рассмотрения дела» [7. С. 1].

Вообще, еще при подготовке проекта Постановления и в ходе его обсуждения на Пленуме высказывались различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения по вопросу, как следует правильно поступить в случае, если при рассмотрении дела у суда возникнут сомнения в конституционности примененного или подлежащего применению федерального закона либо он придет к убеждению о том, что закон противоречит Конституции: 1) суд в этих случаях не вправе рассматривать дело по существу, а исходя из положений ст. 101 федерального конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», должен обратиться в Конституционный Суд с запросом о соответствии Конституции примененного либо подлежащего применению закона; 2) если суд пришел к убеждению о противоречии Конституции примененного или подлежащего применению закона, то он не применяет такой закон, а руководствуясь Конституцией, должен разрешить дело по существу; 3) в случаях, когда возникают сомнения в вопросе о том, соответствует ли Конституции примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, согласно ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, обращается в Конституционный Суд с запросом. В итоге, как можно увидеть из приведенного выше текста Постановления Пленума Верховного Суда, он занял позицию, согласно которой обращение с запросом в Конституционный Суд является не обязанностью, а правом суда в случаях, когда у него имеются сомнения или, как указано в ч. 2 ст. 36 федерального конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», возникает неопределенность по вопросу о соответствии Конституции примененного или подлежащего применению закона при рассмотрении конкретного дела [6. С. 3–4].

По этому поводу интересным представляется мнение самих судей Конституционного Суда. Так, В.А. Туманов отмечает: если суд общей юрисдикции приходит к убеждению, что закон, подлежащий применению в рассматриваемом деле, находится в противоречии с соответствующим положением Конституции, то он применяет непосредственно Конституцию (пп. «в» п. 2 названного Постановления). Однако чтобы прийти к убеждению, что закон подлежит применению,

суд должен определенным образом истолковать соответствующую конституционную норму. Впоследствии та же норма оказывается предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, и он толкует иначе, чем это следует из смысла решения суда общей юрисдикции. Другими словами, возможно нечто вроде конфликта компетенций. И чтобы избавиться от этого, существует только одно решение – последнее слово принадлежит Конституционному Суду [8. С. 14–15].

Т.Г. Моршакова говорит: если согласиться с той интерпретацией, которая дана в указанном Постановлении Пленума, то все суды, обнаружив противоречащий Конституции закон, вправе «дисквалифицировать» его как таковой. Ориентация, данная Пленумом Верховного Суда на этот счет, существенно снижает возможности судебной защиты против неконституционного закона за пределами рассмотренного дела, т.е. в судебной системе в целом. Ибо судебное решение, вынесенное общим судом по одному делу, не может устранить закон из правового пространства; суд общей юрисдикции не обладает такой компетенцией. Это отнесено к юрисдикции Конституционного Суда. Все другие суды согласно Конституции обязаны подчиняться закону, обеспечивая тем самым равенство граждан перед законом и судом. Судебная система не достигает этой цели, если в каждом отдельном процессе любой суд будет вправе «отложить» закон в сторону, не ставя вопрос о дальнейшей его судьбе. А в упомянутом Постановлении Пленума Верховный Суд ориентирует суды именно на такую неконституционную позицию [9. С. 22–28].

Л.В. Лазарев в своих исследованиях также задавал вопрос: «Является ли обращение с запросом в Конституционный Суд правом или обязанностью суда?» По его идее, «...если неопределенность в вопросе о конституционности закона в Постановлении Пленума Верховного Суда означает сомнение суда в этом, то оно – недостаточное основание для запроса. Согласно ст. 101 Закона о Конституционном Суде суд должен прийти к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом им конкретном деле, и, как требует п. 8 ч. 2 ст. 37 Закона, привести в запросе правовое обоснование этой своей позиции» [10. С. 15–16].

С точки зрения И.Л. Петрухина, по сути, судья напрямую применяет Конституцию, отвергая противоречащий ей закон. В его обязанность входит лишь сообщить об этом в Конституционный Суд с тем, чтобы этот закон официально был признан неконституционным и чтобы его не применяли другие судьи. А возражения против запроса суда в Конституционный Суд в связи с увеличением сроков рассмотрения дел в судах, сроков ареста подсудимых и т.п. неправомерны, потому что права человека еще более страдают, если самоуверенный судья неправильно истолковал Конституцию и принял решение, которое в конечном счете (иногда спустя длительное время) будет отменено [11. С. 20–21].

В Республике Беларусь, например, по аналогичному поводу высказывалась иная точка зрения. Так, Г.А. Василевич считает, что обращение в Конституционный Суд может быть вызвано не только стремлением подтвердить противоречия между Конституцией и

иными нормативными актами, но и, наоборот, иметь цель подтвердить конституционность проверяемого акта. Более того, своевременное обращение в Конституционный Суд помогает исключить отрицательные последствия действия неконституционных актов [12. С. 165].

Чтобы устранить возникшие споры, Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», где закрепляет: «Суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона. Обязанность обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с таким запросом, по смыслу частей 2 и 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 2, 15, 18, 19, 47, 118 и 120, существует независимо от того, было ли разрешено дело, рассматриваемое судом, отказавшимся от применения неконституционного, по его мнению, закона на основе непосредственно действующих норм Конституции Российской Федерации» [13].

Данный акт Конституционного Суда, впрочем, как и Постановление Пленума Верховного Суда, вызвал неоднозначные оценки ученых.

Например, В.В. Ершов по этому поводу отмечает, что «Конституционный Суд РФ вышел тут за пределы своей компетенции – толкования Конституции РФ, выполнив несвойственные ему функции законодателя, т.е. осуществил расширительное толкование Конституции РФ, дополнив ее новым содержанием. В ч. 4 ст. 125 Конституции РФ установлено: “Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле”. Думается, использование в Конституции РФ понятия “примененного” дает судам основание применять Конституцию РФ непосредственно (прямо) до обращения в Конституционный Суд РФ. Что касается “разноречивого толкования различными судами конституционных норм”, то оно в конечном результате исключено, т.к. согласно ст. 126 и 127 Конституции РФ Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ осуществляют судебный надзор за деятельностью судов и дают разъяснения по вопросам судебной практики, целью которых является “единообразное” правоприменение, выработка единых подходов в правоприменительной практике» [14. С. 3–4].

Более лояльно выразил свою точку зрения Л. Грось: Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемом постановлении предпринял попытку разграничения компетенции Конституционного Суда РФ, с одной стороны, и судов общей юрисдикции и арбитражных судов – с другой [15. С. 3–4].

По мнению М.А. Митюкова, высказанному на научно-практическом семинаре «Теоретические проблемы современного российского конституционализма», решающую роль в нормативном толковании Конституции в на-

стоящее время играет Конституционный Суд РФ, который посредством казуального и нормативного толкования практически разводит подведомственность в сфере конституционного контроля между судами разной юрисдикции, в том числе и конституционной [16. С. 121].

К.А. Сасов придерживается противоположных взглядов, считая, что «по воле главного охранителя Конституции Российской Федерации этот Основной Закон ограничен в прямом применении всеми правоприменителями, кроме Конституционного Суда. То есть любой суд вправе сослаться в решении на норму Конституции Российской Федерации только в случае, если эта норма не противоречит закону. Если же возникает правовая коллизия между законом и Конституцией Российской Федерации, суд обязан обращаться в Конституционный Суд за разрешением этой коллизии. Однако в такой интерпретации положения п. 1 и 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации носят в большей степени декларативный, а не непосредственно действующий характер» [17. С. 30–31].

Тем не менее, суды общей юрисдикции должны ориентироваться на прямое применение Конституции и неприменение актов, противоречащих ей. Вместе с тем прямое действие Конституции не означает, что в каждом решении, приговоре суда в обязательном порядке должны быть ссылки на статьи Конституции. В то же время, признавая закон неконституционным, Конституционный Суд тем самым осуществляет правовую охрану Конституции [18. С. 48–52].

И.А. Кравец отмечает, что «если суд вправе игнорировать действующий федеральный закон на том основании, что он противоречит Конституции РФ, и применить непосредственно ее положения, то для такого суда не действует презумпция конституционности федерального закона. Суд в этом случае получает право осуществлять конкретный конституционный надзор и разрешать дело в соответствии с собственными представлениями о конституционности применяемого закона» [3. С. 375–376].

В.И. Анишина по этому поводу пишет: «Обязанность суда, обратиться в Конституционный Суд, вытекает из возложенного на них как на независимые органы правосудия конституционного полномочия обеспечивать судебную защиту прав и свобод человека, включая равенство всех перед законом и судом (ст. 18, 19 и 46), подчиняясь при этом Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [19. С. 196–200].

Г.А. Гаджиев также обращает внимание на то, что запрос суда в Конституционный Суд представляет собой специфический институт конституционного права. «Все суды Российской Федерации, выступая в качестве субъектов в рамках конституционных правоотношений, направленных на осуществление конституционно-судебного нормоконтроля, обеспечивают важную публично-правовую цель конституционализации российского законодательства» [20. С. 10–11].

Таким образом, по идее, суд не должен исходить из формальных признаков, определяющих его право или обязанность обратиться в Конституционный Суд РФ в случае противоречия закона Конституции РФ. Он должен исходить в первую очередь из целей защиты прав и свобод каждого, кого может затронуть такой закон, с

одной стороны, и из принципа достаточности средств защиты этих прав и свобод – с другой [2. С. 104–105].

Основываясь на рассмотренных исследованиях, идеях и предложениях, нам представляется, что:

– прямое действие Конституции РФ является ее важнейшим юридическим свойством;

– вероятно, по причине своей новизны обозначенное свойство вызвало ряд проблем при осуществлении правосудия судами общей юрисдикции. И, несмотря на принятие Пленумом Верховного Суда ранее указанного Постановления, дискуссии о том, право или обязанность судов общей юрисдикции в случае обнаружения несоответствия закона Конституции РФ обращаться в Конституционный Суд России, продолжались;

– точку в данной коллизии поставил Конституционный Суд, издавший Постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», из смысла которого вытекает, что суды общей юрисдикции (в обозначенном случае) обязаны обращаться к нему с запросом;

– по нашему мнению, этот орган не выступил «судьей в собственном деле», он не ограничил «Основной Закон в прямом применении», а наоборот, конкретизировав собственную юрисдикцию, подтвердил свое главенствующее место в системе обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгеров А. Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 48–55.
2. *Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации* / Под ред. В.В. Ершова. М.: Юрист, 2006. 493 с.
3. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 675 с.
4. Краснов М.А., Кряжков В.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. М.: Издательский дом «Городец», 2006. 480 с.
5. Венгеров А.Б. Конституционный контроль в СССР // *Правоведение*. 1980. № 3. С. 32–42.
6. Лебедев В.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и роль судов // *Государство и право*. 1996. № 4. С. 3–8.
7. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 1996. № 2. С. 1.
8. Туманов В.А. Пять лет Конституционной юстиции в России: уроки, проблемы, перспективы // *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации*. 1996. № 6. С. 10–15.
9. Морщакова Т.Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // *Вестник Конституционного Суда*. 1996. № 6. С. 22–31.
10. Лазарев Л.В. Разграничение юрисдикции и взаимодействие судов в защите прав и свобод личности // *Российская юстиция*. 1996. № 4. С. 14–16.
11. Петрухин И.Л. Проблемы судебной власти в современной России // *Государство и право*. 2000. № 7. С. 15–21.
12. Василевич Г.А. Конституция. Человек. Государство. Сер. ПРАВО. Минск: Право и экономика, 2000. 312 с.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998 г. № 25. Ст. 3004.
14. Ришов В.В. Прямое применение Конституции РФ. От решения Пленума Верховного Суда РФ до постановления Конституционного Суда РФ // *Российская юстиция*. 1998. № 9. С. 2–4.
15. Грось Л. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // *Российская юстиция*. 1998. № 11. С. 3–4.
16. *Теоретические проблемы современного российского конституционализма*: Матер. науч.-практ. семинара // *Государство и право*. 1999. № 4. С. 113–122.
17. Сасов К.А. Конституционный Суд в судебной системе: общность задач правосудия и различия в их решении // *Конституционное и муниципальное право*. 2005. № 7. С. 25–31.
18. Малеш Н.С. Конституция – закон прямого действия // *Юридический мир*. 1999. № 4. С. 48–52.
19. Анишина В.И. Конституционный контроль в деятельности судов общей юрисдикции // Конституция Российской Федерации и развитие законодательства в современный период: Матер. Всерос. науч. конф. М., 2003. Т. 1. С. 196–200.
20. Гаджиев Г. Самостоятельная и сильная судебная власть // *Конституционное правосудие*. 2003. № 3 (21). С. 7–23.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 ноября 2007 г.